

Александровский централ

История одного побега

*Иркутская губерния, село Александровское,
Александровская центральная
каторжная тюрьма (в просторечии
Александровский централ¹)...*

Июль 1913 года. Лето выдалось тёплым и солнечным. В кабинете начальника тюрьмы полковника Гусарова было очень душно. Только что он переговорил по телефону с военным генерал-губернатором Князевым. Высокий губернский чиновник попросил выделить на два месяца для работ на Усольский солеваренный завод два десятка арестантов. Гусаров знал, что этот завод принадлежал родственнику губернатора. Полковник согласился, хотя по циркуляру номер тридцать три Главного тюремного управления Российской империи только тюремное ведомство имело право давать распоряжения на работы арестантов. Но как он, Гусаров, мог отказать Князеву?! Ведь приближался срок получения серебряной медали «За беспорочную службу в тюремной страже». Также, зная, как относится к своеволию губернаторов педантичный столичный Петербург, докладывать своему тюремному начальству полковник не решился...

Раздумывая, хозяин кабинета по привычке пальцами потормошил свои богатые чёрные кучерявые волосы. «Как хорошо год шёл в заведении, и вот принесло...»

Недавно с Нерчинской тюрьмы в Забайкалье сбежало полторы дюжины каторжан. И сбежали они с не санкционированных Главным тюремным управлением хозяйственных работ. Начальник Главного тюремного управления России лютовал, разжаловал и выгнал без пенсии начальника Нерчинской тюрьмы.

Гусаров хмуро подумал: «Авось меня пронесёт...»

Выпив стопку водки, тюремный полковник вызвал своего помощника майора Мясновича и дал указание на отправку арестантов в находившееся в семи верстах село Усолье (в 1925 году получило статус города, в 1940 году переименовано в Усолье-Сибирское).

— Ваше высокородие, господин полковник, разрешите старшим колонны назначить старшего надзирателя Кукуева?

— Разрешаю,— изрёк начальник тюрьмы.— Пусть возьмёт с собой троих младших надзирателей. Да, и в эту группу не бери политических осуждённых, ещё начнут заводских будоражить.
— Слушаюсь, ваше высокородие...

Укатанная телегами, ухабистая, извилистая пыльная дорога вдоль скальных отлогов, поросших в основном хвойными деревьями. Небольшая арестантская колонна в серой одежде двигалась медленно. Кроме пыли, люто досаждали комары и особенно огромные агрессивные слепни. Колонну охраняли четверо надзирателей в чёрной форменной одежде. На пояском ремне служивых находился наган в чёрной кобуре, сбоку плетъ. Старший надзиратель, уже в возрасте, усатый, худой и длинный, как жердь, мужчина, замыкал шествие. Спереди и по бокам колонны шли младшие, более молодые по возрасту надзиратели.

Кто-то один из арестантов тянул старинную каторжанскую песню:

Далеко в стране иркутской,
Между скал и крутых гор,
Обнесён стеной высокой
Чисто выметенный двор...

Некоторые сотоварищи нестройно подпевали:

...Это, парень, дом казённый—
Александровский централ...²

.....

1. Александровская центральная каторжная и пересыльная тюрьма. Учреждена в 1873 году в селе Александровском, что в 76 километрах к северо-западу от Иркутска, на территории Александровского винокуренного завода, основанного в XVIII веке. В царские и советские времена через тюрьму прошли десятки тысяч уголовных и политических заключённых. В 1956 году в бывшем Александровском центре была организована Иркутская психиатрическая больница №2. В 2016 году содержание пациентов было признано деятелями российского правозащитного движения антигуманным. Больница была закрыта. Полуразрушенные постройки сохранились до сих пор и отнесены к историко-архитектурным памятникам федерального значения.
2. Данная песня являлась неофициальным гимном Александровского центра, слова и мотив народные.

Контора
солеваренного
завода, село Усолье

Село Усолье, солеваренный завод

Огромная металлическая сковорода (или чан) наполнена рассолом, под ней бушует огонь. Двое полураздетых мужчин подбрасывают в печь дрова. Шипя и дымя, вода испаряется, соль остаётся в низу чана. В воздухе витают умопомрачительные, непередаваемые запахи.

Невдалеке двое мужчин белую соль уже паковали в мешки. Другая пара сносила мешки в соляной амбар. Вдали стояла трёхэтажная рассолоподъёмная башня. Под ней трубы уходили на ставосьмидесятиметровую глубину. Лошади с завязанными глазами вращали шкивы, медный цилиндр поднимался-опускался по одной трубе, выдавливая по второй рассол наружу.

Метрах в ста виднелась водная голубая гладь реки Ангар. На реке стояли две баржи. На одну из них группа мужчин на спинах носили мешки с солью. На берегу в теньке расположились двое надзирателей и мужчина в кафтане. Они выпивали и закусывали, вели разговоры.

— Надо присмотреть на ночь бабеч,— изрекает один надзиратель.

— Надо бы,— соглашается второй.

— Есть тут у нас вдовушки,— смеётся мужчина в кафтане...

Заброшенный склад солеваренного завода

Ночь.

Всё небо усыпано звёздами, большими и маленькими, едва видимыми и невидимыми вовсе...

В дырявом бараке на соломе спят два десятка мужчин. После изнурительной работы кто-то спит беззвучно, кто-то храпит, а кто-то и мычит, издаёт странные звуки.

В одном из углов не спят двое мужчин. Они ведут тихий разговор.

— Ваньша, надо уходить по реке,— говорит мужчина с полностью лысой головой.— Я видел, у берега

стоят лодки с вёслами. До Иркутска всего пять-десять вёрст, а там свобода,— довольно улыбаясь, обнажает свой беззубый рот.

— Против течения за ночь не успеем пройти,— изрекает бородатый собеседник.

— По берегам почти сплошной лес, заночуем. Рванём сейчас? Надзиратели пьют да гуляют.

— Ярослав, не спеши. Надо всё обдумать, попробовать заpastись провизией, спичками, ножом. Давай рванём следующей ночью?

— Давай...

Заброшенный склад солеваренного завода

Ночь. Всё небо усыпано миллионами, если не миллиардами, звёзд...

Из барака осторожно, слегка согнувшись, выходят двое мужчин. Оглядываясь по сторонам, они тихо пробираются к Ангаре, где на приколе у берега стоит с десяток лодок. Кругом тишина. Кажется, что и река спит, не видно ни волн, ни лёгких водных волнений, да и течения вовсе не ощущается.

Подойдя к берегу, один из мужчин отвязывает верёвку одной лодки. Вот лодка с двумя мужчинами уже тихо отходит от берега. Мужчины стали активно работать вёслами, лодка разворачивается и направляется вверх по течению...

Через некоторое время дно лодки оказалось заполненным водой.

— Маху мы дали, Ваньша,— изрёк мужчина с полнотью лысой головой.— Лодку взяли дырявую.

— Дали,— соглашается напарник, ругается.— Смотри, Ярослав, справа в Ангару впадает какая-то река, видимо, Китой. На солеварне местные про неё говорили, что она в горах начинается, река рыбная. Давай причалим и пойдём по её берегу, может, ещё лодку найдём.

— Давай. А с этой лодкой что?

— Возьмём вёсла на всякий случай, а лодку пустим по реке. Она скоро затонет.

— Годится. Только перед прогулкой давай похаживай, что-то есть я захотел сильно.

Во время трапезы Ярослав изрёк:

— Я что подумал, Ваньша. В Иркутске сейчас установят кругом засады на нас. Может, нам по Китою в горы махнуть? И отсидеться там месяц, пока тепло, да и шухер по нам пройдёт. В тайге да на реке с голоду точно не помрём. Ну а потом уж и дальше пойдём.

— А что? Дело говоришь...

Село Усолье, заводоуправление солеваренного завода

Только что старший надзиратель Кукуев доложил по телефону начальнику Александровского централа полковнику Гусарову о бегстве двух заключённых.

Начальник тюрьмы спросонья смачно выругался и грозно спросил:

— Когда сбежали?

Кукуев посмотрел на висевшие на стене ходики. Они показывали восемь тридцать.

— Так ночью и сбежали, точное время не скажу. Лодка одна пропала.

— Куда сбежали? — ещё толком не проснувшись, спросил полковник.

— Так это... неизвестно...

Начальник тюрьмы снова смачно выругался, хмуро подумал: «Будет теперь мне серебряная медаль», — и выкрикнул:

— Найти и наказать плетьюми или шпицрутенами!

— Так это... как найти?

На три-четыре секунды полковник задумался. Затем отдал команду:

— Кукуев, сообщи местному полицмейстеру, и организуйте поиск беглецов. Пусть поднимут на поиск всех: уездную полицейскую стражу, казаков, старост ближайших поселений. Ты со своими надзирателями. Мне докладывать каждые три часа. Всё.

Снова хмуро задумался. Ведь о побеге следовало сообщить в Иркутск. А ой как не хотелось...

Река Ангара

По берегу медленно шли двое тюремных надзирателей в чёрной форме. В руке одного была палка, он ею разгребал попадавшийся по ходу движения мусор.

— А кто хоть эти беглецы были? — спросил мужчина, идущий впереди.

— Оба матёрые, с большими сроками, — ответил второй, с палкой в руке. — Один — убийца-душегуб, порезал ножом двоих. Второй — закоренелый бандит и вор, грабил лавки да магазины.

— Да, — изрёк первый надзиратель. — Эти утекут, ищи-свищи.

— Утопи они. Промашка получилась у них, лодку не ту взяли.

— Может, и утонули...

Выше по берегу следовала на конях пара полицейских всадников. Это была привлечённая к поискам местная конная уездная полицейская стража.

— Им веселее, чем нам, — кивая на всадников, изрёк мужчина, идущий впереди.

— Точно, — согласился второй и заунывно затянул:

На переднем на фасаде
Большая вывеска висит.
А на ней орёл двуглавый
Позолоченный блестит...

— А ну прекратить петь арестантские песни! — крикнул один из всадников. — Или плети захотел... (далее следовала ненормативная лексика).

Река Китой

Светаёт.

По извилистой и каменистой по берегам реке крадучись движется небольшая лодка. Двое мужчин, её пассажиры, выбиваясь из сил, усердно работают вёслами. Плыть против течения нелегко. Впереди сквозь предрассветный туман показались смутные горные очертания.

Мужчины продолжают упорно работать вёслами.

Вот впереди справа на берегу показались контуры поселения.

— Ваньша, я больше не могу, — тяжело изрекает один из гребцов. — Давай пристанем, найдём в деревне заброшенный амбар с сеном да хоть выспимся толком.

— Дело говоришь, Ярослав...

Недалеко от берега стоит небольшой амбар. Внутри на пожухшей, пожелтевшей соломе лежат двое мужчин в серой одежде. Они безмятежно спят.

Скрипнула дверь и широко распахнулась. Показался бородастый мужчина в длинном синем зипуне. Внезапно возле него оказались двое мужчин в сером. В руке одного был нож.

— Здоров, дядя, — изрёк один из парочки.

— Не бойсь, мужик, не будем мы тебя резать, — выдал второй. — Лучше скажи, что это за деревня.

— Так это Раздолье, — определённо испугавшись, с акцентом вымолвил вошедший мужчина. — Не убивайте, у меня семья, дети, — перекрестился. — Как-то говоришь ты коряво, — бросил первый из парочки. — Кто ты? Иноронец какой?

— Белорус я, Ульян, и в деревне все пять дворов белорусских, — ответил вошедший мужчина. — Переселенцы мы, православные, — перекрестился. — Польские паны житья не дали, вот и сбегли мы в эти сибирские края. А вы беглые?

Александровский централ —
Это, парень, дом казённый... —

с хрипотцой пропел один из парочки.

— Скажи вот что, паря Ульянов,—изрёк второй.— Полиции нет в деревне?

— Нет. У меня в родне тоже есть сидельцы. Двоюродный брат в Елецкой тюрьме.

Парочка ухмыляется и перелглядывается.

— Значит, не сдашь нас?— спрашивает второй из парочки.— А не то гляди, мы тебе в дом красного петуха запустим.

Ульян отрицательно машет головой, жалобно изрекает:

— Не сдам. Не убивайте...

— Не бойсь, мужик, не убьём. Не убийцы мы, а воры,—весело выдавил первый из парочки.— Нам идти надо,—махнул рукой в сторону гор,—а жорева нет у нас. Принеси картошки, шмат сала, хлеба. Ну?

— Принесу-принесу...

Предгорья Восточных Саян

Двое мужчин в серой одежде шли по берегу реки. На плече идущего первым находился наполовину наполненный мешок, у второго в руке был небольшой пакет. Справа от тропинки поднимались поросшие хвойными деревьями небольшие пригорки, дальше—острые серые горные пики.

— Фу!—громко изрёк несущий на плече мешок мужчина.—Мы долго ещё будем тащиться?

— Надо найти пристанище, где можно будет переждать, укрыться от солнца и дождя,—всматриваясь в горный грунт, изрёк второй мужчина.— Какую-нибудь расщелину, лучше пещеру.

Мужчины продолжили движение.

Вот идущим вторым мужчина сошёл с тропинки и полез на один пригорок.

— Ваньша, дуй сюда,—крикнул он вскоре.—Я, кажется, нашёл пригодную пещеру...

Сначала один, а затем и второй мужчина в серой одежде вошли в пещеру. Сквозь проём она неплохо освещалась. Почти квадратная, метра три на три и высотой порядка двух метров. Коричневые почти вертикальные стены местами выступали вперёд, местами образовывали щели. Выступы кое-где осыпались, с потолка местами спускались окаменевшие древние водоросли. Неровный, усыпанный галькой и камнями пол.

Мужчины какое-то время рассматривали природное творение.

— О! Да здесь можно жить и жить и не тужить!—весело бросил один из мужчин.

— Точно, Ваньша,—изрёк второй.—Давай всё оборудуем—место для сна, уголок для костра...

— Наварим картопли да устроим обжираловку,—весело вставил товарищ.

— Но до обжираловки надо заделать вход в пещеру от непрошенных гостей...

Деревня Раздолье

У плетня, огораживающего деревянный дом от улицы, остановились три всадника в типичной казачьей форме, с нагайками в руках, шашками на боку и винтовками за спиной.

— Хозяин!—зычно гаркнул один из служивых.

Из собачьей будки выходит чёрная овчарка и начинает зычно лаять. Казаки матерятся. Один из них снимает с плеча винтовку.

В это время из дверей крыльца выходит бородастый мужчина в длинном синем зипуне. Быстро оценив обстановку, он загоняет пса в будку.

— Здравия желаю, господа казаки,—трусцой подходя к плетню, улыбаясь, вымолвил мужчина в зипуне.

— Как кличут тебя?—спросил усатый, самый грузный из казаков.

— Ульяном, а фамилия Климович, господин казак.

— Есаул я!—крикнул усатый всадник.—Аль не видишь знаков? Или не хочешь видеть?—замахнулся плёткой.

— Плохо у меня со зрением, господин есаул,—промямлил Климович.—Извиняйте...

— Ладно,—отрезал есаул, убирая плётку.—Беглых арестантов эти дни не видел, Ульян?

— Сколько живу здесь, а живу, поди, семь лет, не видывал никаких беглецов.

— Сам, Ульян, станешь арестантом, если соврёшь,—грубо бросает другой казак.

Ульян крестится, что-то жалобно бубнит.

Есаул недовольно сплюнул. Повернул голову в сторону гор.

— Скажи, Ульян, там дороги или поселения имеются?

— В горах ничего нет, только горы.

Есаул снова сплюнул и ругнулся.

— Поворачиваем назад,—недовольно бросил казакам...

Село Александровское,

центральная каторжная тюрьма

В кабинете начальника тюрьмы полковника Гусарова находился срочно прибывший из Иркутска губернский тюремный инспектор в звании майора и по фамилии Карп. Грузному майору в плохо подобранном парике было на вид под пятьдесят лет. Он определённо страдал одышкой и наверняка ещё приличным набором разных других болячек. Майор родился в Бессарабии, сделал быструю карьеру по полицейской линии. Но бурная интрижка с женой высокого вельможи привела его в Восточную Сибирь. Вот уже тридцать лет он трудился в тюремном ведомстве. Как оказалось, ведомстве «хлебном» и по-своему привлекательном.

—...Вы нарушили «Устав о содержащихся под стражею»,—монотонно-привычно излагал инспектор с кислым выражением лица.—Вы нарушили

основополагающие нормы циркуляра номер тридцать три. Вы нарушили Высочайше утверждённое «Положение об Александровской пересыльной тюрьме». В результате посланные вами на солеварни осуждённые устроили побег...

Удручённо слушая инспектора и раздумывая о своей дальнейшей судьбе, хозяин кабинета по привычке пальцами потормошил свои богатые чёрные кучерявые волосы.

— Сгинули беглецы,— выждав момент, вставил полковник.— Мы же лодку, на которой они ушли из Усолья, нашли утопленную. Поскольку их никто и нигде не видел, значит, и они утопли.

— Но достоверно это не установлено.

— Это дело времени. Трупы их через три-пять дней точно всплывут...

Постучав в дверь, в кабинет вошла с подносом в руках молодая полная женщина в ярком сарафане. Широко улыбаясь, светловолосая и краснощёкая, она буквально проплыла к столу. Поставила поднос, на котором находились графин, очевидно, с водкой, и закуска.

— Марфа, иди и приготовь комнату для господина инспектора,— строго вымолвил полковник.— Кроватку помягче заправь и сама будь в комнате. Если что господину инспектору требуется, безотказно предоставь. Слышишь? Безотказно всё-всё.

— Слушаюсь, господин полковник,— улыбаясь, тихо изрекла женщина и бесшумно удалилась.

Хозяин кабинета, разливая водку по стопкам, вымолвил:

— Своего жилья у нас нет. Я снял для вас лучшую комнату в доме приезжих.

Инспектор неопределённо прикрикнул.

Хозяин кабинета, поднимая свою стопку, весело продолжил:

— Предлагаю, господин майор, отметить начало вашей важной миссии.

Инспектор заметно подобрел лицом, бросил:

— Можно и отметить,— потянулся за стопкой...

Предгорья Восточных Саян

Мужчина в серой одежде стоял у неровной стены и ножом что-то выковыривал из каменистого горного уступа.

В пещеру с охапкой веток с листвой вошёл ещё один мужчина в серой одежде.

— Ваньша, какого х... ты копаешься у стены, а не занимаешься делом?— грозно изрёк вошедший мужчина.

— А ты, Ярослав, разуй глаза да посмотри, какого х... я делаю,— продолжая своё занятие, выдавил Ваньша.

Ярослав бросил охапку на пол и шагнул к напарнику. На его ладони он увидел с десятков золоти-сто-жёлтых, примерно сантиметровых в диаметре шариков и несколько чуть крупнее листочков.

— Что это?

— Золото, Ярослав! Я нашёл золото! Нашёл бездонную золотую жилу! Наша пещера золотая! Я буду богат! Я буду свободен!

Какое-то время Ярослав рассматривал необычные и неожиданные находки-шарики. Также заметил, что сквозь коричнево-чёрный грунт стены пещеры просматривались жёлтые вкрапления.

Затем впивается взглядом в радостного Ваньшу и изрекает:

— Ты богат? А я?

— Я немного поделюсь с тобой,— весело бросает Ваньша и громко напевает:

Александровский централ
Между скал и крутых гор...

Ярослав зло сверкнул глазами.

— Да ты... (ненормативная лексика).

Крикнув оскорбление, он набрасывается на Ваньшу и начинает его душить руками. Ваньша изворачивается и наносит напавшему удар ножом в живот, затем второй. Но смертельно раненный Ярослав, очевидно из последних сил, мёртвой хваткой схватился за горло Ваньши. Бедняга глотает ртом воздух, у него сгибаются ноги, и он падает. Следом с выпученными стеклянными глазами и ножом в животе грузно падает на него и Ярослав. Его сильные костистые руки замерли на шее слабеющего Ваньши.

Так, казалось, спасительная, да и золотая, пещера стала для беглецов их безвестной могилой...

Село Александровское, дом приезжих

В комнате был бардак: повсюду валялись мужские и женские вещи, на столе стояла пустая посуда с остатками пищи в тарелках, валялись стул, сапог...

На кровати лежали рядышком обнажённые полный лысый мужчина и светловолосая добротелая женщина. Они определённо крепко спали, возможно, судя по улыбающимся лицам, даже видели эротические сны.

В дверь постучали, обитатели комнаты никак не отреагировали. Послышались звуки, похожие, исходящие от ключа, открывавшего дверной замок. Вскоре дверь осторожно отворилась, вошёл полковник Гусаров.

— Прошу прощения, господа,— громко вымолвил полковник.— Господа!

Парочка проснулась и заёрзала на кровати. Женщина приподнялась, обнажив свои полные груди и жирные ноги. Мужчина привстал, выпятив свой большой живот.

— В чём дело?!— гаркнул он громко и явно недовольно.

Женщина заулыбалась, стала натягивать на своё большое белое тело простыню.

— Прошу прощения, господин инспектор Карп,— улыбаясь, вымолвил полковник.— Звонил губернатор, интересовался ходом вашего расследования.

Я сообщил: беглецы-арестанты утонули, расследование закончено. Губернатор ждёт вашего личного доклада.

— Да, доклада, — зевая, вяло выдал инспектор. — Срочно заложите мне бричку, я сейчас выезжаю в Иркутск.

— Ещё звонили из Петербурга, из нашего тюремного ведомства, — продолжил полковник. — Я им тоже сообщил результаты вашего, господин инспектор, расследования. Сказал и о вашем личном участии в поисках каторжан. Они остались довольны.

— Да-да. Бричку мне! — поднимаясь в полный обнажённый рост, выкрикнул инспектор.

— Как скажете, — широко улыбаясь, изрекает полковник.

«Авось, может, пронесёт меня в этот раз?» — думает, весело бросает:

— Марфа! Помогите господину инспектору, одень, накорми да поцелуй на дорожку жарко, — и медленно удаляется...

Через три года в Восточных Саянах произошло серьёзное землетрясение. «Золотую» пещеру с останками двоих мужчин основательно придавил и засыпал скальный массив...

Операция «Орлан»

Весна 1945 года! Великая Победа! Красная Армия добила германский фашизм в его логове. Страна праздновала Победу!..

Но на востоке было тревожно, шли ещё войны, лилась кровь. Верный своему союзническому долгу, Советский Союз готовился вступить в войну с милитаристской императорской Японией, поработившей многие народы Юго-Восточной Азии и оккупировавшей часть исконно российских территорий.

Залив Советская Гавань, Хабаровский край, главная база Северной Тихоокеанской флотилии, август 1945 года

В помещении находилась группа военных мужчин: трое в военно-морской форме и один в общевойсковой полевой форме. Мужчины стояли с одной стороны большого стола, на котором лежала военно-топографическая карта с различными

обозначениями. На карте просматривались контуры острова Сахалина, Татарского пролива...

Старший из присутствующих офицеров, командующий базой контр-адмирал Иванов, объяснял общую диспозицию предстоящей секретной операции присутствующим — начальнику разведки базы капитану первого ранга Корниенко, командиру подводной лодки «Щ-101» капитану третьего ранга Северскому и сухопутному майору, командиру диверсионно-разведывательной группы³ Тигрову.

— ...За несколько суток перед Южно-Сахалинской операцией по освобождению Южного Сахалина проводится диверсионная операция под кодовым названием «Орлан». Орлан — сильная, умная птица и является одним из символов Сахалина. Надеемся, он вам на острове поможет. Так вот, в тыл японских войск на Сахалине направляется диверсионно-разведывательная офицерская группа. Причём направляется скрытным морским путём. Вашей группе, майор Тигров, приказано нанести удары по коммуникациям противника: подорвать железнодорожное полотно двух веток, автодороги, линии связи. Тем самым лишить японцев возможности подвоза резервов к местам предстоящих основных боёв. Ну и подпортить им хорошо нервы в тылу. Действовать будете полностью автономно до прихода наших войск. Пароль при встрече с нашими получите. Давайте обсудим рабочие моменты операции...

Далее начальник разведки базы сообщил о японских пограничных постах на западном побережье Сахалина. Он предложил высадиться группе между населёнными пунктами Торо (в настоящее время Шахтёрск) и Эсутору (Углегорск). Командир подлодки стал интересоваться морскими глубинами в акватории этого района, майор — природным естественным ландшафтом, наличием лесов, сопок...

После окончания совещания, прощаясь с майором Тигровым, капитан первого ранга Корниенко сказал:

— Передвигаясь по сахалинским лесам, помните, что там рассеяны десятки японских снайперов-«кукушек»⁴. И ни в коем случае не обращайтесь к местному населению.

Тёмная ночь

От пирса медленно и почти беззвучно отходит подводная лодка. На борту субмарины стоит номер «Щ-101». Выходя из залива, лодка одновременно погружается в воду.

В лодке царит деловая обстановка. Командир, капитан третьего ранга Северский, отдаёт соответствующие указания. В одном из кубриков расположились трое военнослужащих в пятнистой зелёной военной форме. Несмотря на небольшой гул от двигателей лодки, мужчины пытаются поспать...

-
3. Диверсионно-разведывательная группа (ДРГ) — подразделение специального назначения, используемое для разведки и диверсий в тылу противника в военное и предвоенное время с целью дезорганизации тыловых учреждений, уничтожения или временного выведения из строя важнейших промышленных предприятий, военных объектов, транспорта, связи, а также сбора информации о противнике.
 4. «Кукушка» — сленговое название военнослужащих-снайперов, использовавших скрытые замаскированные позиции на деревьях.

В кубрик со спящими военными врывается матрос и весело и громко бросает:

— Товарищи сухопутные офицеры! Подъём! Прибыли на Сахалин! На выход!

Мужчины в пятнистой зелёной военной форме просыпаются, поднимаются. Заученно-быстро проверяют и собирают свои вещевые мешки и оружие: автоматы, пистолеты, гранаты, кинжалы, ножи, взрывчатку, аптечку, сухпайки.

Минутой позже всплывшая подводная лодка в предрассветной ещё темноте и пелене тумана медленно причалила к небольшому каменному выступу скалистого берега. Из рубки лодки вышли трое военнослужащих с автоматами в руках, вещмешками за спинами и быстро проследовали на береговой выступ. Один из них просигналил рукой, и лодка стала отходить от берега. Троица военных быстро миновала каменистый берег и стала углубляться в лесистый массив из хвойных деревьев. Лодка тем временем полностью скрылась в пелене предрассветного тумана...

Орденосец майор Тигров со своим разведбатом заканчивал войну в составе 2-го Белорусского фронта, участвуя в Берлинской операции. Сейчас на операции с ним были его испытанные боевые товарищи, также орденосцы: капитан Нетребко и капитан Жвания. Офицеры участвовали в многочисленных операциях в тылу врага, имели ранения и контузии.

Светало. Разведчики сделали привал в зарослях ивы и ольхи, присели на траву. Майор Тигров достал карту и стал внимательно её рассматривать. Невдалеке журчала небольшая каменистая извилистая речка.

Вдруг с её стороны раздался резкий крик какой-то птицы. Очевидно, её покой кто-то нарушил. Троица разведчиков насторожилась, поднялась и осторожно двинулась по речке на птичий крик. Тигров жестом показал Нетребко идти правее, Жвания — левее.

Метров через десять на берегу речки показался японец-мужчина в гражданской одежде, но с винтовкой на плече. Очевидно, это был представитель гражданского резерва японской армии⁵. Он пил воду из речки. Напившись, мужчина бросил взгляд на находящегося в десяти метрах ниже по течению Тигрова. Мужские взгляды встретились. Секунда, другая... Японец сбросил с плеча винтовку и стал приводить её в боевое положение. Но выстрелить не успел. Это Жвания из-за куста метнул в него боевой кинжал. Он чётко и глубоко впился в спину, японец упал на живот. В это время послышался гудок паровоза.

К лежащему японцу подошли разведчики. — Очевидно, он охранял пути, — вымолвил Нетребко. — Пошёл в кусты и заодно испить водички.

— Убираем его в кусты и выдвигаемся к железнодорожным путям, — скомандовал майор.

На минирование участка полотна дороги ушло несколько минут. Часть этого троика двинулась дальше в глубь острова на восток. А через пятнадцать минут из-за спин они услышали взрыв, затем второй. Это какой-то японский железнодорожный состав подорвался на заложенной в двух местах взрывчатке. А на восстановление путей уйдёт не менее пяти-шести дней...

Группа Тигрова устроила привал. Они удалились от места взрыва путей где-то на пятнадцать километров. Лесной переход был непрост, да и ещё им пришлось форсировать одну, высотой с километр, сопку.

Тигров и Жвания, сидя на траве, принимали пищу. Нетребко в это время находился наверху одной сосны и с помощью бинокля наблюдал за округой. Ведь группа находилась на вражеской территории, и бдительность терять было нельзя. Метрах в ста на верхушке лиственницы сидел величественный красавец-орлан и горделиво озирает округу.

Вот внезапно раздался крик орлана. Он взлетел и быстро скрылся из вида. Окинув взором местность, Нетребко стал спускаться вниз.

— Группа японцев с собаками, примерно человек двадцать, движется по нашим следам, — оказавшись на земле, вымолвил Нетребко.

— Быстро работают самураи, — выдавил Тигров. — Так, собираемся и уходим вправо.

— Подарки самураям оставим? — спросил Нетребко.

Очевидно, он имел в виду скрытое минирование местности.

— Нет, в другой раз, — ответил майор.

— А может...

— Если мы их уничтожим, то японцы организуют армейскую операцию по нашей поимке, и мы не сможем выполнить свои задачи, — отчеканил майор. — Быстро собираемся и уходим.

Через минуту троика стала покидать место привала. При этом двигались они спиной вперёд и следы свои чем-то посыпали.

Вскоре на место их привала вышла группа японских военных с двумя собаками. Четвероногие стали кружить по траве, солдаты — осматривать место. В руках двоих были миноискатели. Японский офицер тихо давал отрывистые команды собакам, очевидно, требуя идти за беглецами. Но собаки не двигались вперёд. Поджав хвосты, они виновато смотрели на людей...

.....
5. Резерв японской армии — принудительно поставленная под ружьё часть гражданского мужского японского населения Сахалина.

Группа Тигрова вышла к просёлочной дороге. На дорожном песчаном покрытии виднелись автомобильные следы.

— Минируем? — спросил Нетребко.

— Да, давай действуй, — ответил майор.

Вдоль дороги стояли столбы и висели провода.

Кивая на них, Жвания спросил:

— Обрываем?

— Да, — ответил Тигров.

Жвания достал пистолет.

— Только тихо, друг, — бросил майор.

Жвания кивнул, убрал пистолет и прошёл к ближайшему столбу. Вот он уже ловко поднимается по нему вверх...

Группа Тигрова заночевала в лесу.

А с утра двинулась дальше...

Найоро (в настоящее время Гастелло),

Сахалин, штаб 125-го пехотного полка

Командующий полком полковник Кобаяси был в бешенстве.

— Взрывы на железной дороге, взрыв на автодороге, обрывы связи, наконец, гибель резервиста при исполнении своих обязанностей! — постоянно поправляя очки, кричал полковник. — Партизан здесь нет. Граница на севере с русскими закрыта. Тогда чьих рук эти действия?! Отвечать!

Сидевшие на стульях в большом кабинете десять угрюмых штабистов-офицеров, опустив глаза, молчали.

— И это в преддверии ожидаемых серьёзных боевых действий с русскими на границе острова, в районе пятидесятой параллели⁶, — извергая слюну, продолжал кричать полковник. — Что скажут пограничники?

Резко поднялся майор, поклонился и вымолвил:

— Наши посты не обнаружили нарушений границы... В ближайшие дни русские корабли не приближались к острову...

— Тогда кто всё это сделал?! И сделал профессионально! — истерично рявкнул полковник. — Я вас всех отдам под трибунал...

Тигров дал команду на привал. Жвания пошёл в охранение, Нетребко стал накрывать стол. Майор достал карту и стал её рассматривать.

Через двадцать минут, перекусив и обсудив свои дальнейшие действия, группа двинулась дальше...

Группа обычным порядком: Нетребко впереди, через два метра Тигров и ещё через два — Жвания, — шла тёмно-хвойным лесом, лавируя между листьями огромного папоротника. Внезапно и громко прогремел выстрел. Члены группы стали стрелять из автоматов по верхушкам деревьев, откуда предположительно раздался выстрел. — Прекратить стрельбу, — вскоре крикнул майор. — Надо обследовать место, куда мы палили.

Троица осторожно двинулась в сторону, откуда был произведён выстрел. Вскоре они увидели следующую картину. На большой ели головой вниз неподвижно висел японский солдат. Висел он на металлической цепи, которая сверху была прикреплена к стволу дерева, а внизу — к ноге солдата. Внизу на земле валялась винтовка.

— «Кукушка»-смертник, — вымолвил Тигров. — Прикован к дереву, дабы не сбежал с огневой точки.

— А винтовка-то — тысяча восемьсот восьмидесятого года выпуска. Старушка, — рассматривая оружие смертника, изрёк Жвания.

— Похоже, несовершенное оружие и спасло меня от смерти, лишь только ранило в руку, — вымолвил Нетребко.

— Капитан Жвания, срочно оказать помощь боевому товарищу, — распорядился Тигров...

К вечеру группа вышла на вторую железнодеревянную ветку, следующую с юга острова на север. Ночью офицеры-разведчики сумели заминировать её аж в трёх местах. Вскоре последовала и череда взрывов на путях.

При отходе подорвался на мине-ловушке капитан Жвания, получил ранение и майор Тигров...

Буквально на следующий день советские войска с боями перешли пятидесятую параллель. И, сокрушая массивную эшелонированную японскую оборону, неудержимо-победоносно устремились на юг Сахалина. Через две недели военные действия завершились полной победой Красной Армии — весь остров Сахалин целиком вновь стал принадлежать СССР...

.....
6. По Портсмутскому мирному договору, заключённому 25 августа (5 сентября) 1905 года, территория Южного Сахалина (к югу от 50-го градуса с. ш.), включавшая в себя весь Корсаковский округ и большую часть Александровск-Сахалинского, отошла под управление Японии.